

смысл и значение которого заданы конкретно-историческим социокультурным фоном и самосознанием творца данного текста, читатель проникает внутрь текста, разыскивает в нем новые смыслы и значения, связанные с его самосознанием и новыми социокультурными обстоятельствами, осуществляя тем самым новое его прочтение и понимание.

1. Apel K.-O. Transformation der Philosophie. In 2 B. Frankfurt a. M., 1973. Bd 2.
2. Гадамер Г.-Г. Философия и литература // Философские науки. 1989. № 2. С. 83–97.
3. Зонтаг С. Мысль как страсть: Избранные эссе 1960–70-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
4. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.
5. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
6. Руднев В. П. Текст // Руднев В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М.: АГРАФ, 2001. С. 457–458.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989.
8. Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1. С. 90–105.

Т. Е. Дудар

**В поисках культурной идентичности:
Орхан Памук. «Стамбул: город воспоминаний»**

УДК 008

В статье исследуются проблемы формирования новой культурной идентичности, возникающие в процессе европеизации на основе анализа романа турецкого писателя О. Памука.

© Дудар Т. Е., 2013

Ключевые слова: культурная идентичность, смыслы, ценности, Восток, Запад, европеизация.

T. E. Dudar. Searching for cultural identity: "Istanbul: city of memories" (O. Pamuk)

In the article it is researched some problems of forming a new cultural identity in a context of Europeanization through analyze of Orhan Pamuk's novel.

Key words: cultural identity, sense, value, the Orient, the Occident, Europeanization.

Культурная идентичность – это «принадлежность индивида к какой-либо культуре, формирующей ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом» [4:57]. Культуры, которые получили «прививку» Запада, представляют собой «гибридные общества и культуры» [1:4]. Как в таких обществах происходит усвоение культурных кодов? Как в сознании человека осуществляется преломление и синтез элементов разных культур? Этот сложный и драматичный процесс, на наш взгляд, необыкновенно хорошо показал турецкий писатель Орхан Памук, который с удивительно тонким психологизмом изобразил сложный процесс поиска культурной идентичности сквозь призму собственного «я». Его книга «Стамбул: город воспоминаний», наполненная саморефлексией и тонкой иронией, переплетенной с умелыми экскурсами в прошлое, является интереснейшим источником для философско-культурологического анализа обозначенной проблемы.

В начале своего повествования писатель рассказывает о том, что еще в раннем детстве и юности его не покидало ощущение существования двойника – «другого Орхана», который живет в другом доме, среди счастливых и спокойных людей, мирно существующих за стенами своих домов. Этот эпизод задает важнейшую тему, волнующую писателя, – раздвоенность сознания человека, который находится в поиске своей культурной идентичности. «Есть писатели, которые, сменив язык и культуру, покинув свой народ, родину, континент и даже влившись в другую цивилизацию, с успехом могут писать, – замечает О. Памук, – я, как писатель, сформировался в тесной связи со

своим домом, улицей, городом, видом из окна». Поиск культурной идентичности мучителен, и хотя автор сосредоточен, прежде всего, на самоанализе, нельзя не увидеть, как в его личных переживаниях отражается поиск целого народа, который, как и О. Памук, «чувствует себя несчастным из-за того, что родился среди развалин и праха рухнувшей империи, в блекнущем и ветшающем от уныния, тоски и бедности Стамбуле» [2:14].

Орхан Памук анализирует «западную прививку» – «европеизацию» в турецком варианте. На страницах своей книги он показывает, как трудно достигается синтез элементов разных культур, как тяжело в сознании человека преломляются артефакты, культурные коды чужой культуры, вследствие чего происходит встраивание новых элементов в уже сложившуюся мозаику. В результате появляется «тоска» – порождение особого культурного и психологического дискомфорта, которая, как особое мироощущение, заполняет все ниши сознания. Стремление «жить, как на Западе» воспринимается лишь как повторение внешних признаков: «Человека, не соблюдающего пост в Рамазан, гораздо меньше мучат угрызения совести, если он живет среди буфетов и фортепиано и сидит в кресле, а не на подушках, скрестив по-турецки ноги» [2:20]. На страницах своего автобиографического романа писатель словно проводит через семь кругов поиска культурной идентичности не только себя, но и читателей.

Семья, в которой родился маленький Орхан – это «мама, папа, брат, бабушка, сестры отца и его братья с женами», которые жили все вместе, «подобно большой семье османских времен», в пятиэтажном доме, занимая все его этажи. «На каждом из этих этажей было по фортепиано, а то и по два. Женившись позже всех своих братьев, мой дядя занял со своей супругой и ее фортепиано нижний этаж. Никто никогда не играл ни на этом фортепиано, ни на каких других, и они вызывали у меня тоску и печаль» [2:18]. Как относиться к таким артефактам культуры, вещам, окружающим тебя с раннего детства, становящимися твоими самыми ранними воспоминаниями, которые должны стать частью твоего культурного мира, но которые так и остаются «чужими»? В результате, как и в воспоминаниях маленького Орхана, дом превращается в музей, где все предметы обстановки –

«вечно молчащие фортепиано, навсегда запертые буфеты, серебряные сервизы, китайский фарфор, тарелки, никогда не использующиеся подставки для книг, камин, которые никогда не разводили», – не наполняются ценностными смыслами, оставаясь лишь «пустыми» элементами западной культуры.

Печаль, как мироощущение главного героя романа, уступает место обычным чувствам в моменты веселья и безмятежности семейного круга. Это семейные вечера, когда все собирались за ужином и вели веселые разговоры. Однако и этот осколок «большой старинной османской семьи Стамбула <...> стремился к полному распаду», и чувство подавленности, потерянности и тоски появилось и здесь. В такой атмосфере, по мысли писателя, в доме не хватало душевности, любви, живописи и литературы, зато было слишком много вещей. Эта разобщенность духовного и материального прослеживается Орханом Памуком на протяжении всего повествования.

«Западная прививка» принесла с собой и западных культурных героев, которые были малопонятными и зачастую вызывали страх. Писатель описывает свой страх перед сюжетами мультфильмов про Микки-Мауса: «Тупой и злобный великан размером с дом ловит Микки-Мауса и бросает его в колодец, а потом одним рывком выдернув колодец из земли, выпивал его, словно из стакана, выпивал воду. Когда несчастный мышонок падал великану в рот, маленький Орхан начинал рыдать взахлеб» [2:34]. Однако лишены ценностных смыслов не только герои западной культуры, но и персонажи уходящей османской культуры: теряются культурные смыслы, бледнеют исторические личности, ветшает архитектура. Автор ощущает себя как бы между двух культур – разрушенной османской и прививаемой европейской. «Я ходил в школу, находящуюся в особняке принца Юсуфа Иззедин-паши, потом в школу, расположенную в здании, принадлежавшему главному визирю Халилю Рифат-паше. Развалины особняка вельможи Фаик-бея, дома дочерей султана, эти обугленные руины особняков, поросшие папоротником и инжиром, кирпичные стены, разбитые стекла, покосившиеся ступеньки, заброшенные парки и сады, разбитые источники» встречались повсюду [2:44, 61]. Каково жить среди развалин некогда великой и могучей цивилизации, соз-

давшей уникальное, ни на что не похожее искусство? Вот вопрос, который автор задает себе снова и снова. «Великое историческое наследие Стамбула и Босфора для большинства ныне здесь живущих – нечто темное, загадочное, непонятное» [2:86].

Автор книги с грустью описывает разрыв преемственности культур, который порождает сложность в общении с прошлым и лишает точек опоры человека. О. Памук замечает, что «мы не подготовлены к восприятию османского или классического персидского рисунка», поэтому современные турки воспринимают прошлое через рисунки европейских путешественников и их рассказы о «восточной экзотике» [2:67, 68]. «Стамбул – неполноценный город! – с горечью восклицает писатель. – Здесь нет ничего, что было бы толком доведено до конца. Реклама, названия фирм, магазинов и журналов вроде бы свидетельствуют о том, что это город европейский, но на самом деле европейзация произошла здесь лишь на словах. Мечети, леса минаретов, призывы к молитве, весь исторический антураж, казалось бы, говорят о приверженности традициям, – но на самом деле они почти забыты. Во всем недоделанность, половинчатость, несовершенство» [2:416]. С одной стороны, следы былой великой османской культуры встречаются повсюду, «стамбульцы просто живу среди своих развалин, вселяя в сердца тоску по ушедшему имперскому величию» [2:134]. С другой стороны, артефакты новой «европеизированной» культуры не дают ощущения сопричастности прошлому. В результате оказываются утраченными смыслы, наполнявшие значением элементы ушедшей культуры. Как точно подметил О. Памук, по названию некоторых событий можно точно определить, где мы находимся – на Востоке или на Западе. Например, «29 мая 1453 года для Западного мира произошло падение Константинополя, а для Восточного – взятие Стамбула» [2:229]. Такая ситуация порождает два опасных явления. С одной стороны – потерю исторической памяти, когда «потеряв всякое представление о значении слова “история”, жители города растаскивают камни из городских стен, чтобы использовать их для собственных построек, или подновляют с помощью бетона» [2:137]. С другой стороны – вызывает к жизни турецкий национализм.

Как человек, находящийся в состоянии поиска своей культурной идентичности, писатель испытывает горечь за настоящее и при этом испытывает чувство потери великого прошлого. Он пытается найти точку опоры, оттолкнувшись от которой, можно жить своей жизнью, в которой нет раздвоенного сознания, а прошлое и настоящее являются фундаментом будущего, но сделать это не удастся. «Сознание того, что мир этот навсегда потерян, наполняет мою душу привычной грустью» [2:103]. И эта печаль – «гнетущее чувство» – объединяет миллионы стамбульцев и носит универсальный характер. «Мы, стамбульцы, принимаем ее с гордостью и переживаем вместе» [2:126]. Так рождается «культура печали», в которой живут миллионы людей.

Утрата исторической памяти, утрата смыслов является причиной ощущения бессмысленности настоящего. Через призму личных, даже интимных переживаний О. Памук раскрывает ту гамму чувств, которые рождают у него «осколки прошлого» (мечети, источники, ялы), и то ощущение пустоты и ненужности, которое ассоциируется с «современным европейским домом». Автор подмечает и курьезные ситуации «европеизации». Чего стоят, например, такие наблюдения: «Давайте будем следовать правилам дорожного движения, как это делается на Западе. Другой вопрос, сколько найдется во всем Стамбуле человек, имеющих представление о том, что такое правила дорожного движения» [2:189]. Или «в последнее время безвкусные здания в так называемом “западном” стиле, от которого на Западе тошнит, вгрызаются в Стамбул, словно моль, пожирающая прекрасную ткань» [2:191].

На страницах своей книги О. Памук анализирует такой интересный феномен, как «европеизированная турецкая семья». Что это такое? Каковы ее ценностные установки? Быть «европеизированными», пишет автор, означает быть «позитивно мыслящими людьми», которые наделены властью управлять «невежами». Эти люди являются правящим классом именно потому, что они «европеизированные», современно мыслящие люди. Автор говорит о равнодушном или ироничном отношении к религии: «В этом смысле мои родственники походили на французских буржуа, давно отошедших от религии, но боящихся окончательно порвать с ней». В итоге, место религии оста-

лось пустым [2:238]. Результатом становится пустота духовной жизни таких стамбульских семей. «Когда речь заходит об основополагающих жизненных вопросах, как то любовь, ненависть, религия, смысл жизни, ревность – каждый задается ими в растерянном и горьком одиночестве» [2:246]. Сложными оказываются отношения «европеизированной турецкой семьи» и с богатством, образованием. Новая буржуазия предпочитала не показывать свое богатство и политическое влияние, считала дурным тоном демонстрацию богатства. Однако причина этого кроется и не в суфийской скромности и умении довольствоваться малым, и не в протестантской этике труда и накопительстве. Богатый человек – это «ловкач», который когда-то сумел «с помощью подкупленных чиновников ухватиться за выгодную возможность, набил мошну, а теперь старается утаить и уберечь свое богатство» [2:253]. О. Памук указывает на падение значения образования в современном обществе и культуре, тогда как в Османской империи образованный человек мог высоко подняться по служебной лестнице и стать богатым пашой. Таким образом, значение образования лишилось прежнего смысла «вместе со всей утонченной культурой, которая после установления республики и реформы алфавита должна была сама по себе отмереть и уступить место культуре европейской» [2:253]. С какой горечью писатель пишет: «Настоящая, прекрасная, исполненная смысла жизнь, увиденная мною в голливудском фильме, была привилегией счастливых обитателей Америки и Европы; все остальные, в том числе и я, были обречены на скучное, бессмысленное и мало кому интересное существование среди безликой разрухи, ветхости и запустения» [2:404].

Писатель Орхан Памук, несомненно, ставит на страницах своей книги «диагноз» своему поколению. «Я разглядываю внушительную железную дверь с облупившейся краской у одного ялы, – пишет он, – и догадываюсь, что все это следы погибшей и ушедшей в прошлое цивилизации, что здесь некогда жили люди, немного похожие на нас, только жизнь у них была совсем другая. Я понимаю, что времена те давно прошли, и чувствую, что мы все-таки отличаемся от тех людей – по сравнению с ними мы бедны, слабы и провинциальны» [2:80]. И невероятно остро звучит вопрос писателя, который он задает, скорее,

себе сам и на который сам же не может дать ответ: каково это – вести жизнь, в которой нет места культуре, и постоянно испытывать чувство непрочности и пустоты бытия, возникающее, когда у тебя много денег, но ты не знаешь, что с ними делать? И отвечает сам себе: «С чувством вины и подавленности мы понимаем, что в глубине души желаем, чтобы последние следы великой культуры, наследства которой мы оказались недостойны, как можно быстрее исчезли, и в Стамбуле можно было бы, наконец, построить второсортную, бледную копию западной цивилизации» [2:279]. Так, по мнению турецкого автора, на смену Османской империи пришла «маленькая, пытающаяся подражать Западу Турецкая Республика» [2:313].

Как откровенно утверждает автор книги, построить на месте развалин погибшей культуры и канувшей в небытие империи что-то новое, могучее, некий модернизированный мир не получилось, поэтому все усилия были направлены на то, чтобы «забыть прошлое». Тоска, скука и грусть, ощущение черно-белых красок, блеклые цвета, запустение и упадок – это доминирующие чувства героя. «Тоска по прошлому» переполняет не только героя, но и является главным элементом мироощущения стамбульцев. Поиск культурной идентификации заставляет Орхана Памука постоянно сравнивать «до» и «после»: мучительный процесс собирания осколков старого и нового в попытке создать уникальную мозаику новой культурной идентичности. Что заставляет человека, находящегося как бы между двух культурных миров, обращаться к вопросу о своей культурной идентичности? Думаю, автор всеми своими размышлениями дает ответ на этот вопрос. Это та бездуховность и пустота, что пронизывают бытие такого человека, лишая его подлинного смысла семьи, любви, веры, богатства, труда, призвания, дружбы.

Орхан Памук пытается определить, что в такой сложной ситуации поиска культурной идентичности может составить «точку опоры», то, что помогло бы соединить прошлое и настоящее. И он находит эту константу в природе, рассматривая Босфор как своеобразный мостик в прошлое и источник обновления. «В моем сознании, – пишет автор, – он неразрывно связан с волей к жизни, полнотой чувств и радостью. Босфор – душа Стамбула, в нем город черпает силы. Нам

нравятся прогулки по Босфору, потому что мы ощущаем, что здесь, в сердце огромного, древнего, осиротевшего города, живёт свобода и сила глубокого, могучего и своенравного моря. Человек, быстро плывущий на пароходе по беспокойным водам Босфора, чувствует, как он наполняется силой моря. Босфор для меня – неиссякаемый источник добра, оптимизма, здоровья и хорошего самочувствия» [2:89].

12 октября 2006 г. Орхану Памуку была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой: автору, «который в поисках меланхоличной души родного города нашёл новые символы для столкновения и переплетения культур» [3].

-
1. Восток, Запад и Россия (Круглый стол) // Вопросы философии. 1992. № 6.
 2. Памук О. Стамбул: город воспоминаний. М., 2006.
 3. Памук Орхан. Биография: сайт. URL: <http://www.aphorisme.ru/about-authors/pamuk/?q=3859>
 4. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. М., 2012.

М. В. Лукашина

**Культурная политика Швейцарии:
исторические особенности и современность**

УДК 130.1

Вопрос разработки проблематики культурной политики находится в зоне повышенного интереса. Насколько эффективным инструментом формирования прочного национального самосознания и укрепления сплоченности нации является культурная политика, можно увидеть на примере Швейцарии. Швейцарский опыт высоко оценивается и внутри стра-